

Д.Н. Мельников (Астана, Казахстан)

СУДЬБА ВРЕМЕНИ В ВИРТУАЛЬНОМ МИРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ВИРТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Мельников Дмитрий
Николаевич

главный редактор
журнала «Наука и об-
разование Казахстана»,
соискатель Института
философии и политол-
огии Министерства
образования и науки
Республики Казахстан
(г. Астана)

По мере развития информационных технологий и уплотнения социальных связей дискурс виртуальности становится глобальным явлением. Сейчас в большей или меньшей степени он охватывает практически все сферы социального бытия человека, в том числе и такой фундаментальный уровень коллективного и индивидуального опыта, как время. Поэтому в современных исследованиях все чаще появляется понятие виртуализации, относящееся ко всем сферам жизни общества, включая и не связанные непосредственно с виртуальной реальностью в узком, техническом смысле слова: «Виртуализация... – это любое замещение реальности ее симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности» [1, 19].

В социокультурном контексте данную тенденцию следует рассматривать как важнейший компонент глубинного сдвига, непревзойденным исследователем которого стал Жан Бодрийяр, – как элемент перехода от отношений репрезентации к симуляции реальности.

Виртуальную темпоральность и в узком, и в широком смысле слова (во втором – если речь

идет о времени, не обусловленном напрямую эффектами компьютерных технологий) можно рассматривать в качестве одной из форм симулятивного времени. При этом необходимо отметить, что симулятивное историческое время проявлялось в жизни общества всегда – и до появления технических средств, породивших виртуальное время в узком смысле слова. А виртуализация как широкомасштабный социальный процесс началась только во второй половине XX века.

Признаки симулятивного исторического времени можно усмотреть в некоторой фантомности, иллюзорности, присущей периодам истории, характеризующимся как безвременье. К своеобразной симуляции исторической темпоральности стремятся практически все тоталитарные режимы, которые обычно реформируют календарь, создают новое летоисчисление, утверждают некую новую эру и так далее. В нашем недавнем прошлом пример подобного «симулякра» – идеологическая мифология пятилеток, попытки сделать их вехами жизни общества и индивида. Симуляция в таких случаях почти всегда является следствием волюнтаристского переворачивания традиционного порядка истории и календаря.

Жан Бодрийяр символическое выражение имитационной, иллюзорной природы исторического времени рубежа второго–третьего тысячелетий увидел в часах на Бобуре в Париже (Центр Жоржа Помпиду), которые в обратном порядке отсчитывали время, оставшееся до завершения второго тысячелетия. Для французского философа этот факт стал отправной точкой размышлений о виртуализирующемся, релятивном, а значит и симулятивном времени нашей эпохи. По большому счету в своей статье «В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000» [2] Бодрийяр

фиксирует некую магистральную тенденцию. Косвенно он ставит вопрос о том, что станет с обществом в мире симулятивного времени.

Уже в начале статьи, во многом предваряя свои дальнейшие размышления, философ задается вопросом: «Кто знает? Может быть, реальное время современной жизни больше не может иметь дело с хронологическим временем» [2].

Бодрийяр констатирует, что появились временные феномены, переворачивающие традиционную логику истории, исторической темпоральности. Если обычно история мыслилась как прогресс, освоение новаций, то «тень тысячелетия создает пустую воронку, засасывающую целое столетие» [2]. Другими словами, философ отмечает, что с историческим временем что-то случилось – оно словно бы начинает проваливаться в такие «воронки». Обратный отсчет времени, происходящий на глазах у огромного числа людей, для французского мыслителя означает, что исчезла сама идея истории, наступил конец содержательного исторического времени как человеческого целе-, смыслополагания.

Бодрийяр делает явный акцент на заикленности исторического времени рубежа тысячелетий. По его мнению, «мы проживаем время и историю в своего рода после-коматозном (past-comatose) состоянии. Это вызывает нескончаемый кризис. Больше нет будущего, которое перед нами, но лишь невозможность достичь его и заглянуть по ту сторону конца» [2].

В общем-то философ предлагает свою концепцию «конца истории». Она состоит в том, что в эпоху постмодерна историческое время исчезает, растворяется в виртуальности, симулятивности: «Вместо движения к новым перспективам, история запоздало взрывается, и эти взрывы – не более, чем восстановление событий, о которых мы думали, что они произошли давным-давно.

По ту сторону Стены Времени (нашего асимптотического конца) мы находим только сломанные линии, которые прерываются во всех направлениях. Вот что такое глобализация. С

глобализацией, все [человеческие/социальные] функции расширяются в пустоту. Они распространяются в планетарном масштабе, который становится все более умозрительным виртуальным пространством» [2].

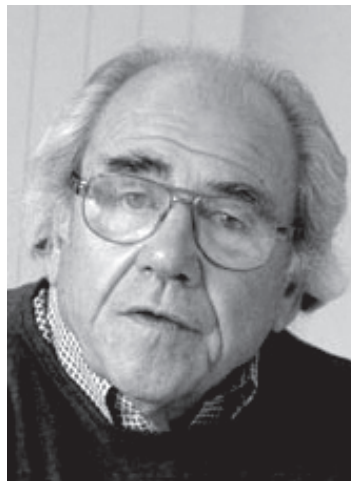
Бесконечное переживание того, что уже было, характерное, по мнению Бодрийяра, для современности, напрямую связано с виртуализацией социальных взаимодействий и в целом всего человеческого бытия. «История, например, заканчивается информацией и созданием мгновенного события. Возросшая скорость современности, технического развития и всех, прежде бывших линейными, структур создает турбулентный сдвиг и круговое возвращение вещей, которое объясняет, что сегодня ничто не является необратимым. Ретроспективный изгиб исторического пространства, которое в некотором смысле походит на физическое и космологическое пространство, является, возможно, большим открытием конца тысячелетия» [2].

При этом в эпоху конца исторического времени возникает острая потребность обосновывать его реальность. Отсюда и подчеркнутый интерес современного общества к глубокой древности, истории земли, жизни, человеческого вида. То есть в ситуации переизбытка

виртуального реальное становится дефицитом, чем-то особо ценным. Однако здесь мы должны заметить, что сохранение реального в глубоко виртуализированной социальной среде чрезвычайно затруднено: реальное все равно растворится в виртуальных коммуникациях и способах репрезентации. Возможной при таком положении дел становится лишь игра в реальное.

И важно подчеркнуть, что виртуализация, переход к симуляции истории происходят незаметно для самого социума, который, будучи поглощенным конъюнктурными целями своего «узкого» настоящего, не замечает эпохальных, структурных изменений.

Продолжая логику размышлений Бодрийяра, можно говорить о том, что, виртуализируясь, историческое время действительно превраща-

ется в «бесконечную переработку», то есть в бесконечное комбинирование «автономной», не апеллирующей к реальности информации (симулякров). Причем Бодрийяр неоднократно в связи с этим пишет именно о бесконечности, то есть, как можно предположить, скорее всего, о дурной бесконечности непрекращающегося повторения одного и того же.

На наш взгляд, этот феномен еще можно было бы назвать «бесконечной» (поскольку это состояние засасывает, становится навязчивым) вневременностью (или, говоря более традиционным языком, безвременьем, в котором механизмы конструктивного исторического бытия не работают). Ведь все, что не имеет «конца» (то, что всегда только начинается и никогда не доходит до завершения), не может достичь своего действительного, актуального состояния, полноты себя – падает в пропасть дурной бесконечности, трагически теряет свое настоящее. Намек на такую идею можно найти в следующих словах Бодрийяра: «Из-за вмешательства числовых, кибернетических и виртуальных технологий мы уже по ту сторону реальности, а вещи уже по ту сторону их разрушения. Они больше не могут закончиться, и они падают в пропасть бесконечного (бесконечной истории, бесконечной политики, бесконечного экономического кризиса)» [2].

Непосредственную причину утраты исторической реальности Бодрийяр видит именно в виртуализации общественной жизни, в медиакратии – в том «апогее информации», который мы переживаем.

Произошел внутренний сдвиг, «слом» исторического времени, напрямую связанный с расширением сферы симулятивных, виртуальных практик. Этот сдвиг привел к тому, что «сегодня мы находимся в середине дефектной истории, истории, которая разрушается» [2].

«Бесконечная работа рециркуляции», «повторяющиеся ситуации», наличие в социально-исторической реальности только «призрачных событий», – все это означает, что мир оказался в ситуации «... деградирующего и исчерпанного повторения первых событий современности». Ареной симуляции стали СМИ как единственное пространство социального и исторического.

Они и решают проблему «забастовки событий», возникшую из-за того, что не виртуальная история кончилась. Масс-медиа теперь должны создавать псевдособытия для искусственного, симулятивного продолжения истории. Однако «... событие, произведенное средствами информации, больше не имеет никакого исторического значения». Такие события «затеряны в вакууме информации» [2]. Причем, на наш взгляд, данная метафора не случайна – это и вакуум, пустота поступательного времени, безвременье.

В итоге мы видим, что Бодрийяр фиксирует тенденцию потери событиями «субстанциального» наполнения. Между тем, событие (как момент, период) помимо прочего еще и является способом нашего переживания времени. А это, в свою очередь, означает, что если призрачными становятся события, то же самое случится и с неотделимой от них темпоральностью. Иначе говоря, с временем сейчас что-то происходит на глубинном – структурном, априорном – уровне. Этот вопрос, конечно, требует специального рассмотрения.

В привычном для нас мире реального, структурированного времени каждый момент или период всегда выполняет еще и своеобразную «семиотическую» функцию – отправляет к определенной системе (а значит, и языку) времени: мы осознаем, что любое событие, каждое наше действие «вложено» в другие события, действия, является частью какого-то процесса, некоторой последовательности событий. Однако в ситуации радикальной политонтологичности, которую предполагает виртуальность, примат естественного, интерсубъективного, хронологического времени может быть нарушен. То есть, к примеру, тот или иной момент не обязательно соотносить с днем, когда он имел место, а день – соотносить с «его» неделями. Изъяв их из реального контекста, этот момент или день можно поместить в произвольно выбранную цепочку виртуальных событий. И подчеркнем при этом, что с перемещением человека из реальной материальной среды в виртуальную хронологическая связь будет только ослабевать.

Другими словами, наряду с появлением самореферентного знака – симулякра, о котором было много написано, гипотетически возможно

и появление «самореферентного» момента. Эта тенденция отчетливо прослеживается в современной искусстве, где (например, в гипертекстовых художественных произведениях) вместо единого времени действия, сюжета может быть множество времен, причем в текст их могут приносить сами реципиенты.

Вместе с тем мы должны понимать, что в человеческом опыте полностью самодостаточное, никак не связанное с большими периодами мгновение невозможно, ведь это уже вообще не время. Кроме того, наполненное индивидуальным, уникальным содержанием время отдельного человека (то есть цельное, определенным образом структурированное, а не «раздробленное» время) имеет важнейший смысл как его путь, его личная история. Да и сознание, в том числе на уровне самосознания, самоидентичности «я», требует связности, преемственности моментов прошлого и настоящего.

Конечно, культура всегда высоко ценила мгновение, дискретный уровень темпорального опыта (например, в мистических переживаниях). Однако они мыслились не как результат раздробления, распада времени, а скорее как переход на качественно иной уровень темпоральности из связного реального времени. Так, момент духовного озарения рассматривался как итог определенной последовательности поступков, духовного пути.

Именно виртуализация времени, сопряженная с его бессодержательностью, когда оно уже совершенно не опосредовано реальными – пространственными, материальными, «объектными» – явлениями, делает возможным раздробление, «точечность» темпоральности. Самореферентный момент – это деградация времени, угасание его на грани небытия. Такой момент, не отсылающий к становлению, росту, процессу, к «до» и «после», не будет укоренным в том осмысленном темпоральном опыте, который создается культурой с помощью определенных «надвременных» механизмов (идея вечности, ритуал, праздник и так далее). То есть это будет некое абсурдное, бессмысленное время. Или, как его еще характеризует Сергей Хоружий, «суб-время», «недо-время», «в котором отсутствуют либо некоторые из первичных элементов

сознания времени, либо некоторые из моментов связывания этих элементов в непрерывную длительность – либо, наконец, и то и другое» [3, 48]. Поэтому, кстати, вполне закономерно, что такая деградированная темпоральность с нарушенной структурой и векторными характеристиками будет царством неразрывно связанных между собой заикленности и абсурда. Что, конечно, будет означать разрушение оснований историчности бытия.

И, подводя итоги, обратимся к структурному, трансцендентальному отличию виртуальной темпоральности от реального времени.

Вслед за Николаем Карпицким отметим, что можно выделить два основных уровня времени: «Априорная темпоральность есть взаимосвязь самих моментов времени, эмпирическая темпоральность – причинная взаимообусловленность событий во времени» [4]. Другими словами, в глубине своей наше временение определенным образом структурировано, и эта структура имеет фундаментальный онто-антропологический смысл.

Так, экзистенциально-историческую природу нашего опыта времени достаточно удобно описывать как соотнесенность, которая имеет бытийный смысл, является трансцендентальной структурой времени, тогда как причинно-следственное измерение темпоральности относится к более феноменальному уровню: «соотнесенность определяет саму структуру течения времени от одного момента к другому, каузальность – упорядоченность эмпирического содержания в этом течении времени». Поэтому «соотнесенность определяет априорную темпоральность, каузальность – эмпирическую темпоральность» [4].

Если вспомнить устойчивый терминологический контекст понятия виртуальной реальности, то необходимо учитывать, что последняя всегда порождается константной реальностью – «подлинной», исходной.

В таком случае атомизация, расщепление времени (вполне вероятные и даже закономерные в условиях его виртуализации) – ни много ни мало разрушение самой его внутренней соотнесенности, трансцендентальной структуры. И действительно, философский

анализ виртуальной темпоральности приводит исследователей к выводу о том, что она переворачивает характеристики реального течения событий: «Виртуальное время не позволяет нам воспринимать «сущность», переживаемую только сквозь реальное время. Виртуальное время характеризуется неуниверсальностью (специфичностью), дискретностью - сочетанием линейного и циклического, обратимостью, беспредельностью, неравномерностью хода» [5].

Говоря иначе, будучи релятивной и внутренне не соотносительной, виртуальная темпоральность очень далеко отходит от базовых – трансцендентальных, бытийных – структур человеческого времени, прежде всего от его экзистенциальности и историчности. Так, к примеру, извлекать глубинные, трансформирующие наше понимание действительности смыслы мы можем только из определенной структуры необратимых событий, в частности, осознавая, что что-то безвозвратно изменилось или ушло навсегда. А в игровой виртуальной темпоральности все это теряет смысл – попадать в одну и ту же ситуацию можно сколько угодно раз, произвольно меняя ее смысл. С редукцией соотносительности исчезает цельное, связанное время как судьба, путь, экзистенция. Вместо этого остаются хаотические вспышки, разрозненные моменты, серии, циклы. В предельном своем виде этот опыт может быть назван темпоральностью чистого шизопотока.

Одним из важнейших негативных последствий неосознанной и неконтролируемой виртуализации социальной действительности может стать переход от традиционных моделей историчности, предполагающих осмысленную взаимосвязь трех модусов времени – прошлого, настоящего и будущего, к полному отсутствию таких векторных ориентиров, что неминуемо приведет к заикленности.

Во всеобъемлющем игровом («коллажном») настоящем виртуального времени – безосновном и внеисторическом – общество рискует провалиться в дурную бесконечность полностью релятивизированной и деиерархизиро-

ванной темпоральности. Как общественные структуры у Бодрийяра с «концом социального» превращаются в «черные дыры» – безликие массы [6], так и время, создаваемое и поддерживаемое культурно-историческими структурами, раствориться, сменившись совершенно аморфными темпоральными отношениями, «вечным» безвременьем.

И в завершение еще раз подчеркнем, что виртуальная темпоральность может показаться спасением от реального времени с его энтропией, конечностью и неминуемым ветшанием всего существующего в нем. Однако некритическое увлечение этим «спасением» чревато глубинной антропологической, социально-исторической дисфункцией: присутствующее во многих тенденциях современной культуры скрытое желание отменить необратимость человеческого времени, стремление не замечать его «судьбический», судьбоносный характер свидетельствуют о бегстве от исторической, духовной ответственности. Это тот древний и, судя по всему, практически не изживаемый «ужас истории», о котором Мирча Элиаде писал применительно к архаическому мышлению... И, к сожалению, нельзя не признать, что расширение поля симулятивных, виртуальных практик, в том числе нежелание задумываться о судьбоносном смысле исторического времени – очевидная черта нашей эпохи.

Литература:

1. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – 96 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000 // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/2000.php
3. Время конца времен. Время и вечность в философской культуре. – М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2009. – 176 с.
4. Карпицкий Н. Виртуальность и темпоральность // http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.
5. Галкин К.Ю. Темпорологическая концепция виртуальной аддикции // <http://add.net.ru/articles/20010321201338.html>
6. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург, 2000. – 100 с.
7. Элиаде М. Миф о вечном возвращении // Элиаде М. Избранные сочинения. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.